

перед смутным будущим. Да, освоение космоса застопорилось, это вызвало упадок интереса к “звездной” НФ (научной фантастике. — Л. Д.). Однако научные достижения последних лет позволили гораздо больше узнать о человеке и его возможностях. Отсюда пристальное внимание фантастов к генетике и биологии» [8].

Таким образом, современная художественная антиутопия основана на переживании и осмыслении таких бытийных оснований, которые определяют ее существенные жанровые черты. Первое онтологическое основание можно обозначить термином «эсхатологизм», который проявлен в антиутопии как апокалиптическое предчувствие гибели мира. Второе основание выражено в амбивалентной сущности самой антиутопии. И, наконец, третье основание имеет мировоззренческую сущность и выражает позицию оценки роли науки в современной культуре.

В антиутопии в художественной форме демонстрируются, губительные для человека и общества тенденции развития мира. В этом смысле антиутопия носит ярко выраженный философский характер, даже если она представлена не очень качественными (с художественной точки зрения) произведениями. Основной смысл антиутопии сохраняется как предостережение и указание на опасность, без знания о которой нельзя построить безопасный мир.

УДК 130.3

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-25-17-20

«ДУХ ВРЕМЕНИ» И ЕГО ПАРАДОКСАЛЬНОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СОВРЕМЕННОСТИ

В статье раскрывается понятие «дух времени», вобравшее в себя не только свидетельство об эпохе, культуре, но и метаморфозы, произошедшие с осознанием человеческой самости. Автор полагает, что «дух времени» определяется прежде всего условиями свидетельства. В современности они связаны с циничной установкой по отношению к самому себе, презрением к предшествующему культурному опыту.

Ключевые слова: «дух времени», zeitgeist, истина, субъект, современность, свидетельство.

Определять понятие «дух времени» как метафору — значит обеднять его философский смысл, который понимался европейскими мыслителями XVII–XVIII вв. не только как указание на сферу исторического, но и как выявление «гения» эпохи, культуры, вовлекающего индивидов в общее миропонимание, действие. Попытка осмыслить современность через призму данного понятия сталкивается с непреодолимыми препятствиями концептуального, методологического, герменевтического характера. В данной статье осуществляется поиск ответа на вопрос: почему с такими большими трудностями сопряжено рассмотрение настоящего через призму духовного?

1. Рабинович В. С. Олдос Хаксли: эволюция творчества. Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2001. 448 с.

2. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX — начала XXI в. в контексте мировой антиутопии : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 528 с.

3. Брюсов В. Я. Республика Южного Креста // В. Я. Брюсов. Огненный ангел : роман, повести, рассказы. СПб. : Северо-Запад, 1993. С. 64–80.

4. Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2009. 312 с.

5. Покатыло М. В. Амбиутопизм в литературном процессе XX века: когнитивный статус феномена // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 106–116.

6. Денисов С. Ф. Антисциентизм: конфликтность и негативность : моногр. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2013. 318 с.

7. Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2008. 484 с.

8. Невский Б. «Мягкая» научная фантастика // Мир фантастики. 2007. № 51. URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art2327.htm> (дата обращения: 05.06.2014).

© Денисова Л. В., 2019

Н. В. Довгаленко

N. V. Dovgalenko

“ZEITGEIST” AND ITS PARADOXAL PRESENCE IN MODERNITY

The article reveals the concept of “zeitgeist”, which incorporates not only witnessing the era, culture, but the metamorphoses of awareness of the human selfhood. The author believes that “zeitgeist” is determined by the conditions of witnessing. In modern times, they are associated with a cynical attitude towards oneself, contempt for the previous cultural experience.

Keywords: “the spirit of times”, zeitgeist, truth, individual, modernity, witnessing.

Сам концепт «дух времени» следует искать в западно-европейском мышлении, в котором английскими и французскими гуманистами формулируется проблема неперенного следования свободного человека «жребию времени» (Дж. Барклай) [1, с. 82]. Считалось, что время следует соотносить не только с движением неба, но и с изменениями человеческих стремлений. Этот посыл был продиктован мистической связью должного (определенного замыслом Бога) и человеческого. И в нем отражалось действие «добраго» и «злого» в самих людях, оставляющее след в самом времени.

Последующее развитие понятия «дух времени» связано с переходом его к историческому, субъектному. При этом

в самом времени нивелировалось внутреннее присутствие (отсутствие) греховного, а на первый план выходило культурное, социальное, национальное. «Расширение границ мира, открытие новых земель и народов, научные достижения, ставшие очевидными к этому времени, создавали привычку к сравнениям, результатом которых стало открытие различий» [1, с. 82]. Таким образом, дух продемонстрировал преимущество подвижности над статичностью (традицией), открыл возможность преодоления открытых или уже созданных образов-образцов, показал ценность эпохи данности. Он возник там, где непреодолимо шло столкновение прошлого и наступающего настоящего.

Наконец, немецкое *Zeitgeist* — «дух времени», ставшее уже нарицательным, приходит с веком Просвещения. Данное понятие открывает стремление к общей истории, некоей внутренней жизни или естества, дающего толчок к действию, развитию культуры. В его границы помещается воля, ставшая намеренно осмысленной и потому свободной (Г. Гегель). «Различие между мышлением и волей есть лишь различие между теоретическим и практическим отношением; но они не представляют собою двух способностей, так как воля есть особый способ мышления: она есть мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие» [2, с. 69]. Субъект как выразитель данной воли открывает в духовном пространстве точку зримости и «зеркального отражения», в которой опредмечиваются, рационально и номинально постигаются, созидаются миры, люди, идеи.

Категория «субъект», однако, не заменяет категорию «дух». Дух не только говорит о способности выбирать в том числе себя самого, постигнутого особым разумным методом; способности созерцать (внимать) или ставить нечто пред собой «названным способом» (М. Хайдеггер); способности пред-принимать (ожидать) и выставлять цели (планировать). Он собирает время, он обращен к бытию, и в этом заключается его настоящее «дело». «Духовностью в таком случае будет называться совокупность... поисков, практик, опыта...», направленных на «поиск условий доступа к истине», — пишет М. Фуко [3, с. 27–28]. Со времен гегелевской или просвещенческой философии одним из важнейших условий становится рациональность как сознательно формируемая возможность оградить разум от всего неясного, противоречивого, мистического. Воля выступает практической стороной рациональности. И, наконец, свидетельство становится способом фиксирования опыта, закрепляющим его в рамках культуры.

Мы более пристально рассмотрим два онтологические аспекта доступа к истине, которые в современности претерпели многотрудное изменение: 1) топос, источник свидетельства; 2) антропологические условия, по которым возможно отделить истинное от ложного, подлинное от мнимого.

Первый аспект является камнем преткновения для XX в. А. Швейцер прямо заявляет, что источник свидетельства нацелен лишь на критичное отношение как к себе, так и к миру. В нем нет ростков очевидности, в нем отсутствует вера. «Все больше и больше проникаясь скептицизмом, наша духовная жизнь прогнивает. Поэтому мы и живем в мире, который полон лжи. Нас губит стремление органи-

зовать и истину» [4, с. 25]. Мир полон презрения к мысли, оно уже давно не является источником свидетельства. За него преимущественно мыслят корпорации и институты власти.

Чуть позже М. Хайдеггер обращается к данному вопросу через призму проблемы гуманизма. «Метафизика мыслит человека как *animalitas* и не домысливает до его *humanitas*» [5]. Именно как «разумное животное», как субъект человек весь XX в. ищет рациональную истину, монотонно, детально конструируя социальные системы просвещенческого, технологического, тоталитарного толка. Установить же источник самого человека пока не удалось, и эта неудача характеризует всю бесперспективность метафизики. Требуется понятие, открывающее совершенно новую сторону человеческого присутствия. «Так понятая экзистенция — не просто основание возможности разума, *ratio*; экзистенция есть то, в чем существо человека хранит источник своего определения» [5]. Именно в ней сосредоточена основа гуманизма, основа человеческого как такового, по Хайдеггеру, разумеется.

Субъект как свидетельствующее место в ситуации пост-современности постепенно подводится под вопрос. «Способны ли еще Разум и Субъект служить векторами для философских конфигураций, даже если Субъект лишен центра и пуст, а Разум подчинен избыточной случайности событий?» — формулирует А. Бадью один из важнейших посылов современной философии [6, с. 23]. Исчерпанность, недостаточность данной категории настолько очевидна, что давно предоставляет место планам по ее деконструкции или изъятию.

Однако существуют и методологические проекты по изменению топоса (места) свидетельства. В них содержательно речь о «духе времени» не просто неуместна, но даже абсурдна. «Капитализм, к примеру, может быть неподатливой сущностью, имеющей «дух», но торговая площадка Уолл-стрит связана со «всемирным» тонкими, но быстрыми каналами миллионов байтов в секунду информации, которая, переваренная трейдерами, молниеносно возвращается в то же место биржевыми экранами Рейтерс или Блумберга, регистрирующими все транзакции и затем передающими все это «остальной части (связанного) мира»...» [7, с. 249]. В этом проекте нет места опыту присутствия, фиксируются лишь акторы, действия, оставляющие следы в культуре и реальности. Именно по ним возможно составить карту местности и уже по ней вычислить (создать) событие существования. Но это событие локализовано в заданных смысловых координатах, у него нет идеального образа. Оно квазиобъект или олигоптикум (нечто видимое, в узких пределах, при наличии действующих связей). Изменение его масштаба может указать на глобальное или локальное, что, впрочем, не связано с произволом исследователя. Достигнуть полной связанности событий означает уйти от реальности к ее контролю, показать сконструированную панораму. «Иногда панорамы — всего лишь грубые эклектические клише, как в замысловатых сюжетах теоретиков заговора. Иногда они предлагают совершенно новые программы, когда показывают новое шоу о «конце истории», «конфликте цивилизаций» или «обществе риска». Иногда — переписывают историю, предлагая совершенно

новое прочтение *Zeitgeist*, как в «Феноменологии духа» или Коммунистическом манифесте» [7, с. 263]. Таково требование современности, что уже после М. Фуко как-то нелепо рассуждать о самом существовании духа, скорее о его эффектах, действиях, превращениях.

Наконец, переходим ко второму аспекту доступа к истине — антропологическим условиям, по которым прежде всего можно определить истинное и ложное. Эта проблема, поставленная Фуко, требует опыта «себя» и истинного свидетельствования о «себе», ибо лишь он покажет границы выразимости истины, приближения и удаления от нее. Фуко указывает на полную зависимость истины от самой способности человека «знать» о себе и тех метаморфозах, которые могут с этим «знанием», свидетельствованием произойти. Речь принципиально идет не о критериях истины, которые определяли на протяжении всей истории мысли как онтологические рамки культуры, так и сам разум, а именно об условиях существования и самоопределения «себя».

Условия возможности самости стали предметом размышления еще в греко-римский период. Истина (*ἀλήθεια*), или «должное», определила саму меру свидетельствования. Потому божественное в ней звучало сильнее, чем человеческое. Само «ухо», «голос» индивида были настроены в восприятии и откровении о себе через вечное, а не сиюминутное. Божественное являлось зеркалом, открывающим человеческий образ. Условием попадания в соприкосновение с истиной как себя, так вещей являлось постижение «незабываемости», правильного, «умного» созерцания, искусства «заботы о себе» и пр.

Христианство, полностью восприняв смысл античной истины, преобразовало его. В его опыте было постигнуто божественное и человеческое страдание, ставшее условием доступа к истине. Речь шла и о телесной стороне, и об осознании сути греха, личного выбора, свободы («страсти Христовы»). Именно поэтому понятие «дух» как мера страждущего в человеке по вечному, божественному входит в мышление, язык, культуру только вместе с христианством. Страдание открыло сам принцип «*humanitas*», показав, что существует волевое стремление остаться в глобальной истории, в которой разворачивается человеческое стремление к собственной подлинности через стяжание божественного.

Пройдя порог новоевропейской революции, «дух» утратил тайну. «Просвещение всегда было разочарованием — в позитивном смысле этого слова, т. е. освобождением от чар» [8, с. 23]. Условия страдания через стремление к божественному сменяются жадной обретения самости самовластно. Достижение условий ясности, строгости, непротиворечивости, рассудочности способствует обретению особого свидетельствования. На их основе, собственно, и формируется субъектная рациональность — источник новой человеческой данности. Удержание в ней (рациональности) требует еще и силы, которая становится странным знаком бессилия перед непоколебимой закрытостью, тайной в окончательном познании человеком себя самого. Парадоксально, однако «из истины, которую желают распространять просветители, вытекает вынужденное — но без применения силы! — присоединение к более сильным

достоинствам» [8, с. 44]. Сильные доводы лишь уводят от тайны человека.

С уходом очарования, как ни странно, человек предпринимает попытки его вернуть. Весь XX в. проникнут данными исканиями и заигрыванием с божественным. Но вернуться к «себе» оказывается далеко не просто, и все усилия превращаются в ретроспективизм, или стремление к оживлению мертвых форм былого [9, с. 89–90]. Не случайно культуру постмодерна очень занимает вопрос о натальном, а не о смертном. Она находится в ожидании рождения новых форм, так как вопрос смерти для нее исчерпан христианством. Но как возможно родить духовное?

Парадоксально, с насмешкой современность относится и к страданию. Оно само по себе скорее требует иронии, нежели личных исканий. Проведя человечество через ужас мировых войн, «время» с особым наслаждением и цинизмом начинает сомневаться в фактах геноцида, ужасах пыток и концлагерей и прочих нечеловеческих изуверствах. Страдания, как и смерть, становятся слишком неприглядны, слишком очевидны для современной культуры двойного кодирования. Последнее порождается двумя интенциями: с одной стороны, скептическим обращением к традиции (источник всякого отрицания), с другой — нарастающим присутствием контекста, цеплянием за «шероховатости времени». Потому и в языке, и в мышлении доминирует метафора, сама по себе уплотняющая смысл, сгущающая время, но и пребывающая в постоянном уходе от очевидности, отсыле. Современный человек — скорее метафора, чем что-то фактическое и тем более глубоко онтологическое, связанное с истиной.

Сила становится знаком насилия, и потому «дух» связан дремотной, отрицающей оценкой собственных стремлений как к порождению, так и к разрушению. Раздражение от собственной элитарности, контроля, рационального порядка и принуждения достигает своего апогея именно в западноевропейской культуре, которая исподволь начинает сама себя ужасать. «В том, что касается политической и нервной системы, эстетическая, “чувствительная” теория стоит на построенной из смеси страдания, презрения и злости обвинительной позиции — против всего, что имеет власть. Она стилизует себя под зеркало мирового зла, в котором отражаются буржуазная холодность, принцип господства, грязные делишки и порождающее их стремление к прибыли» [8, с. 19].

Культивирование цинически-скептической парадигмы, отрицание собственной самости, отчуждение и борьба с властным началом — вот лишь некоторые знаки современной эпохи.

Zeitgeist — «дух времени» — тем не менее до сих пор пронизывает все существо современной культуры, ибо она еще жива. Но совершенно ясно, что он пребывает в разъятости, фрагментарности. В нем отражена ироническая насмешка над данностью и понимание ее полной непознаваемости и неустойчивости. Но сегодня он способен лишь наблюдать, находясь в «непринужденном расслаблении». Ему чужды как победы, так и поражения, и само название культуры «постмодерн» говорит об оставлении, забвении современности, освоении неявного «пост», хотя мы еще остаемся живы здесь и сейчас.

1. Васильев А. В. Преемственность и разрывы в истории понятия «гений (дух) времени» в сочинениях западноевропейских авторов XVII — первой половины XVIII в. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 363. С. 82–84.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
3. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
4. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М. : Прогресс, 1992. 576 с.
5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. В. В. Библихина // Кафедра философии Ульянов. гос. техн. ун-та : [сайт].

УДК 130.2

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-25-20-23

ТЕКСТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ГЕРМЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматриваются истоки становления мировоззренческой метафоры «мир как текст» в философии герметизма. В герметическом учении природа слова рассматривается как плодотворная, действенная, творческая. Мир не только творится Словом, но и может быть «прочитан» как текст, в котором открывается высшая истина. Анализ сочинений герметического корпуса позволяет выделить мироздающую, гносеологическую и магическую функцию Слова. Делается вывод о влиянии идей герметического учения на христианскую культуру, в частности на становление концепции «двух книг» и символическое толкование природы.

Ключевые слова: философия герметизма, Гермес, текст, слово, мир как текст, символ.

Человечество выработало за долгий срок своего существования множество способов и механизмов описания, интерпретации и моделирования мира в культуре. Эти механизмы описания в философских и культурологических исследованиях называются мировоззренческими метафорами. Таковы, например, фундаментальные мироописательные метафоры «мир-часы», «мир-машина», «мир-организм», «мир-сцена», «мир-игра» [1]. В современной культуре все более популярной становится метафора мира как текста. Это можно объяснить повсеместным закреплением письменной культуры, стремительным развитием информационного общества. XX в. характеризуется лингвистическим поворотом в философии: язык, слово, знак, текст, символ становятся объектами рассмотрения таких направлений, как философия языка, герменевтика, семиотика, структурализм и т. д. Их объединяет максимально широкое толкование понятия «текст». Текстом является все, из чего могут быть генерированы значения — слова, образы, звуки, жесты, вещи, природные явления. Весь окружающий нас мир может рассматриваться вообще как совокупность знаков, текстов.

URL: http://phil.ulstu.ru/files/studentam/2.2_haid_hum.pdf (дата обращения: 15.07.2017).

6. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
8. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ МОСКВА, 2009. 800 с.
9. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М. : Стройиздат, 1985. 136 с.

© Довгаленко Н. В., 2019

*Н. Г. Зенец, О. М. Кордас
N. G. Zenets, O. M. Kordas*

TEXTUAL WORLD VIEW IN A HERMETIC PHILOSOPHY

The origins of the formation of the worldview metaphor “world as text” in the philosophy of hermeticism are discussed in the article. In hermetic system of philosophy, the nature of the word is seen as meaningful, active, creative. The world is not only created by the Word, but can also be “read” as a text in which the highest truth is revealed. An analysis of the texts of the hermetic corpus allows us to distinguish the world-creating, epistemological and magical function of the Word. The conclusion is drawn about the influence of the ideas of hermetic system of philosophy on Christian culture, in particular, on the formation of the concept of “two books” and the symbolic interpretation of nature.

Keywords: philosophy of hermeticism, Hermes, text, word, world as a text, symbol.

Текстуальная картина мира — это не изобретение XX в., формирование ее происходило гораздо раньше. Истоки представлений, когда вся вселенная рассматривается как текст, а Слово предшествует бытию, мы находим как в христианской средневековой культуре, так и в древних религиозно-окультиных учениях — каббалистическом учении и в философии герметизма. Объектом нашего исследования является текстуальная картина мира в философии герметизма.

Под герметизмом понимается совокупность древних мистических учений, существующих с III в. до н. э. по II–III вв. н. э., которые включали в себя египетские, еврейские, греческие мифо-религиозные идеи. Они были переосмыслены и объединены в античной культуре в собрание теософско-окультиных текстов, оформленных в виде диалогов. Исследователи говорят о том, что проблема происхождения герметической философии до сих пор не решена [2, с. 258], а доктрина герметизма имеет синкретический характер, так как в ней совмещается мистически-эзотерическое и философско-религиозное осмысление мира. Объединяющим моментом стала принципиальная закрытость учения, которое базировалось